

Упоение в бою. Собой

Производственная мелодрама Сергея Доренко

Юрий БОГОМОЛОВ

Он себя афиширует как человека «не команды», как кота, что гуляет сам по себе. Он тот, который бросил вызов президенту, после чего его размолвка с Константином Эрнстом кажется сухим пустяком, подобным тому, который во времена бесконфликтности советского искусства и лежал в основе производственной драмы.

Конфликт между гендиректором-консерватором и его заместителем-новатором.

Константин Эрнст у нас генеральный директор ОРТ — по должности, а Сергей Доренко его заместитель — по штату. Это не та же разница, что между «в лоб» и «по лбу». Для первого должность, помимо высокой зарплаты, — череды обязанностей, воз ответственности и просто работа по управлению гигантской машиной. Для второго — статус, позволяющий ему иметь большой кабинет с секретаршей, машину с мигалкой и спецсвязь с высшими силами.

Последнее — не то, что про него говорят злые языки недоброжелателей, это то, что он говорит про себя сам. И говорит громко, внятно, почти в каждом интервью.

По штатному расписанию он подчиненный Эрнста. А на деле — так карты легли и звезды показывают — это Эрнст его, Доренко, подчиненный, к слову сказать, не оправдавший его, доренковских, надежд. Посему Эрнст может себя считать уволенным.

Так же, как и Путин.

Доренко — человек откровенный во всем. И более всего в самодовольстве и самонадеянности. Таков, видимо, удел каждого, кто заключает и несет в себе хотя бы толику харизмы, кто испытал ее силу на практике: в публичной ли политике или в эфире...

Я не вижу исключения. Жириновский — это вполне пародийный случай, это законченная карикатура. Ельцин — фигура трагическая. Его от распада личности спасло сознание исторической миссии могильщика коммунизма.

Невзоров — случай более сложный и в психологическом отношении более интересный. Тут харизматика перемешана с индивидуальными комплексами и невротами. Впрочем, и у него была более или менее «длинная фана-

тическая идея». Он думал, что он монархист. В окружающей его действительности не находилось достойного царя-батюшки. Но образы тех, кто готов был послужить государю верой, правдой, всем остальным, теснились в его груди, мерцали в его воображении. Потому Невзоров всю свою сознательную жизнь тележурналиста искал намек на образец для подражания. Сначала он его нашел в омовце Млыннике, потом в генералах Макашове, Руцком, Варенникове, Шаманове, затем в каком-то сержанте, что отрезал чеченцам уши. Наконец, вся эта возня с документальными персонажами ему надоела, и он создал образ художественный в фильме «Чистилище», продюсером которого явился небезызвестный олигарх Березовский. Кончилось тем, что репортер милостью божьей ушел из профессии. Теперь он в одном лице и царь-батюшка, и слуга ему, и отец нам — его солдатам. Весь вопрос только в том, достойны ли мы его.

Теперь нам этот вопрос перед тем, как пойти в большую политику, задает другой харизматический тележурналист — Сергей Доренко. Правда, у него никогда не было ни монархической, ни либеральной.

Когда-то он был презентабельным диктором, затем — заурядным интервьюером («Подробности»), затем — посредственным аналитиком («Версии»), позже — несостоявшимся шоуменом («Характеры») и, наконец, стал тем, кем он стал: информационным киллером.

Война компроматов для него — мать родна. Отсутствие ее — смерти подобно для него лично. В этом отношении он всех превзошел — и Хинштейна, и Караулова, и Минкина, и даже Невзорова. Естественно, раз он такой умелец, то его попытались перевербовать. То ли он отказался, то ли цену набивает... Полной ясности пока нет.

Ясность есть в другом: ему переквалифицироваться из информационного киллера в нормального информанщика так же трудно, как Остапу Бендеру — в управдомы. Не та романтика.

Но зато много романтики в борьбе корпорации журналистов за свободу слова и контрольного выстрела лично для господина Доренко.

Известия - 2000 - 15 сент. - с. 12.